

Часть II

«Страницы прошлого
листая...»

*Я уже давно не читаю,
а только перечитываю!
Оказывается, перечитывать
удивительно вдвойне.*

Ю. Олеша

Вмоей жизни книги - преданные друзья и помощники. Профессия преподавателя русского языка и литературы связана с книгами, с историей их возникновения среди читателей.

... Снова обращаюсь к дневникам: я старалась удержать в памяти те мысли и чувства, которые возникли при чтении, сохраняя в строке то, что могло быть мгновенным. Особенно интересно было слушать чтение мастеров художественного Слова. Они слышат его как музыкальный звук, их голоса становятся чуткими, отзывчивыми «инструментами».

У И. А. Бунина есть строки, которые я храню в памяти ещё со студенческих времён: «Лишь слову жизнь дана: из древней тьмы, на мировом погосте, звучат лишь Письмена...» Но ведь они бывают разные! Кто их выбирает, ставит особую «мету» памяти и отправляет в мир? Наверное, Время... Оно во многом формирует наши читательские привязанности, возвращает к давно прочитанному, учит находить в Словах мысли «на вырост»...

«22 октября 2008 года.»

Перечитывала письмо-завещание Генриха Бёля «Письмо моим сыновьям, или Четыре велосипеда».

Известный немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии, незадолго до ухода (в начале мая 1984 года), на 68 году жизни обратился к сыновьям. Это письмо было опубликовано в 12-ом номере журнала «Иностранная литература» за 1985 год. Я вернулась к нему через 22 года. Перечитывая, заметила, что теперь совсем по-другому воспринимаю слово Г. Бёля: житейское, бытовое, семейное стало мне интересным! В нём крылись не только житейские мудрости: мне становилось понятны поступки людей, которые Г. Бёль высвечивал с разных точек зрения; я вглядывалась в обстоятельства, щедро сопровождавшие жизнь во время войны - везде, где она оставляла свои страшные следы.

Отец хочет, чтобы сыновья поняли, какой была Германия, развязавшая Вторую мировую войну, чего эта война стоила миру, сколько людей не успели понять, какое оно - счастье любви и как страшен всепожирающий зверь ненависти! В этом письме - завещании есть главный урок его сыновьям, совет, как надо вглядываться в лицо мира растущему человеку, что надо

знать детям о своём отце, чтобы не переставать его помнить, **уважая...**

Знать подлинную историю своей родины - значит помнить, **что** и **почему** история и время вложили в твои гены по вековым законам природы.

Старайся совершенствовать свои убеждения, не передавай худшего, чего стыдишься, детям, береги в них то, что не уничтожит надежду на Свет и Истину - на Любовь! Вот выстраданный урок отца - писателя, несущего людям слово Правды. «Как выжить Человеком в условиях уничтожения, хаоса, попрания чести?» - спрашивает сам себя Г. Бёль. Отвечая, рассказывает сыновьям о страшной и спасительной правде: одни уничтожали человечество и внушали чувство ненависти, а другие спасали в самих себе человеческое и находили пути помощи другим... Отец учил детей помнить, с чего началась беда и почему так долго мир не мог справиться с ней...

«Сыновья, ищите **правду**, ищите каждый час жизни, даже если вас за это будут бить те, кому, правда - враг!» Эти мысли звучат в письме - завещании мудро и отчётливо.

Перечитывая завещание Г. Бёля, которое после его кончины стало обращением ко всем, кто умеет оглядываться, я думала:

«А что делаем мы, победившие в той войне страшной ценой потерь, выстоявшие и вернувшиеся домой - к мирной жизни?» Это моё **МЫ** всеохватно! Тех, кто вернулся к мирной жизни, остаётся всё меньше и меньше... Растут их правнуки, у них тоже есть отцы. Дают ли они своим детям уроки человеколюбия и поиска истинной, честной правды? Не уничтожает ли кто-то в растущих детях доброе, сострадательное, не учит ли (волью или неволью!) волчьей хватке в борьбе за денежный «кусоч»?..

Но и дети должны идти навстречу отцам: пока растёшь, надо учиться вглядываться в окружающий мир, в родные лица, вслушиваться в добрые слова, которые говорят родные, любимые, прошедшие в жизни свой честный путь, чтобы знать, **где** и **как** искать главное, благородное... Это нелегко, порой тревожно и в то же время **радостно**. В этой светлой радости - вечная связь отцов и детей. Время с радостью ведёт честных, мудрых и стойких в Будущее: «Ты, Время, лишь туда приходишь первым, где побывала Мысль!»

«21 января 2009 года.»

...Вчера завершилась встреча с прозой А. С. Пушкина: по радио прочли последние страницы «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина». Удивительный подарок слушателям, очевидно, потому, что неожиданный! Почти два месяца я радовалась и дивилась, как хороши эти короткие, стремительные и в то же время плавно-текучие картины жизни...

60 страниц, пять повестей - и десятки человеческих судеб. Все «Повести Белкина», как потом их стали именовать, написаны в Болдине за 34 дня, с первой недели сентября до 20 октября 1830 года. Золотая осень Пушкина-прозаика... Десятки раз я перечитывала эти повести, иногда только любимые страницы, они у меня были.

Вспоминаю ответ А. С. Пушкина своему юному знакомцу П. И. Миллеру, тоже окончившему Царскосельский лицей, только в 1832 году. На его вопрос - «Кто этот Белкин?» - тогда Пушкин ответил коротко: «Кто бы он там ни был, а писать надо вот так: просто, коротко, ясно» ...

Эти три качества надо было помнить и чтецам, приступившим к работе над повестями. Ведь у них был один «инструмент» - голос! Но голос может быть целым оркестром: тембр, темп, сила звука, логические ударения, красноречивые паузы - и чудо таланта! Кто же они, эти чудодеи?

И. Костолевский, А. Калягин и Е. Симонова. Каждый из них «слушал» Пушкина, улавливал переходы в развитии сюжетных коллизий, находил подтекстовый драматизм, тонкую иронию - и нежность. Были у чтецов и помощники - музыка и звуки самой жизни, природы...

Мелодичные картинки Свиридова к повести «Метель», завывание ветра, звон колоколов деревенской церквушки, пение птиц, шорох листьев в лесу, звон поддужных колокольчиков... Всё это было голосом пушкинской эпохи, времени, казалось, ушедшего в «дальние дали» и вдруг ожившего для нас чудом родного русского слова.

А ведь осенью 1832 года «Повести Белкина», опубликованные Пушкиным анонимно (наверное, это была «разведка» Пушкина - прозаика!), многие читатели и критики не поняли. Избалованные слащавой манерностью предшественников Пушкина, они приняли «белкинские безделушки» с усмешкой! Но какой был повод у

недоброжелателей сказать - и довольно громко! - что «автор просто бездарен!» Эти знали: автор - Пушкин, и как им хотелось унижить его талант!..

... Пройдёт 42 года, и Л. Н. Толстой напишет П. Д. Голохвастову, писателю и литературоведу: «Давно ли перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне в дружбу - прочтите сначала все «Повести Белкина». Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу передать вам того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение...»

Через пять дней Толстой вновь пишет Голохвастову: «Чтение даровитых, но негармоничных писателей (то же музыка и живопись!) раздражает и как будто поощряет к работе, расширяет область; но это ошибочно; а чтение Гомера, Пушкина сжимает область и если возбуждает к работе, то безошибочно...»

Пушкин - гармоничный писатель, Толстой это понял, может быть, одним из первых. Не есть ли «сжатие области» - творческого пространства - стремление «к нагой простоте», которую Пушкин - прозаик уже утверждал в «Повестях Белкина»?..

Читаю последние строки «Барышни - крестьянки», завершающей цикл повестей, эпизод встречи Алексея Берестова с Лизой, которая была для него Акулиной - бедной крепостной девушкой, ставшей для барича **любимой**: «В эту минуту дверь отворилась, Григорий Иванович вошёл.

- Ага! - сказал Муромский, - да у вас, кажется, дело уже слажено... Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку».

Ай да Пушкин! А как можно было бы описать и свадьбу, и слов разных наговорить - и ввести хор «девиц - красавиц! ... Ничего этого не будет у Александра Сергеевича Пушкина! Главная героиня - **любовь**! Она «декораций» не требует! Простое, короткое, ясное слово завершает рассказ о барышне-крестьянке.

... Как долго ждать следующего подвига российского радио, которое имеет возможность возвращать слушателям классическую русскую литературу в звучащем слове? От кого ждать новых встреч? Страшен экономический кризис, но ещё страшнее духовный! В жизни всё в единой нерасторжимой связке, и в ней А. Пушкин - важнейшее звено... Недавно прочла в статье венгерского поэта Ласло Немета о Пушкине: «Пушкин

мыслью и памятью своей прошёлся над русской жизнью с её стариной и нравами, на каждом шагу подключая к отечественной словесности всё новые и новые открытия ...»

... Прошло ещё две недели, и мне передали книгу от В. И. Сыроева «Анна Керн», о выходе которой я уже читала в «Тверской жизни», а с рукописью основательно знакомилась года два назад... Теперь могу говорить уже о книге, ушедшей к читателям. Я-тоже читатель, делаю в дневнике **читательскую** запись.

«11 февраля 2009 года.»

Завершила чтение книги В. И. Сыроева об Анне Керн... Сначала меня озадачило то, что она вышла в серии «ЖЗЛ»... Это мне нужно было понять, в чём-то убедить себя (или переубедить!). Я была убеждена, что слово «замечательных» в названии серии не «вкусное», которое имеет право на чьё-то «личностное» восприятие и какие-то другие точки соприкосновения с меняющимся миром.

Долгие годы, а книги серии стали выходить в издательстве Павленко с 1890 года, складывалось общественное убеждение: человек, чья биография стала предметом тщательного изучения, стремления многих осознать внутреннюю, духовную жизнь **героя** книги, должен был сделать что-то **такое**, что станет само по себе зримым, бесспорным шагом вперёд в развитии человечества - даже отрицания какой-то идеи или практического деяния во имя утверждения **другой** идеи или созидания чего-либо значимого.

Во имя чего жила Анна Керн?.. Что было на поверхности?..

Любила и ненавидела. Рожала детей и почти не растила их, не сумела быть заботливой, любящей матерью трёх дочерей. Имела поклонников и тех, кого осчастливила своей короткой привязанностью, часто искренней. Была нещепетильной: позволяла себе жить на чужие деньги - других денег просто не было!.. И ещё, ещё, житейское и душевное, что как-то не возводило её на пьедестал «богоматери»...

Тогда, наверное, нам стоит понять, **что** же всё-таки дало ей право или возможность войти в серию «ЖЗЛ», а нам - согласиться с этим?

Что?.. Пожалуй, то, чем обладают редкие женщины... Анна Петровна была прелестно-очаровательной, талантливой,

проницательно-умной, умела забывать обиды (если они не были чрезвычайно унижительны!), старалась быть справедливой... Она много читала, переводила с английского и французского, хорошо писала - стоит прочесть её дневники и воспоминания о тех, с кем её сводила жизнь. Великолепно пела и музицировала...

И была кокетливо-обворожительной! «Милой», как говорили о ней.

Но такими были блестящие светские «куртизанки» (прошу прощения за это слово - русского адекватного нет!) - по всей Европе. Но по сравнению с ними Анна Керн - просто провинциальная «простушка», милая в своей искренней полудетской прелести. (Это «полудетское» долго жило в ней и многих притягивало, очаровывало!). Так могут сказать некоторые читатели и, может быть, они в чём-то правы.

Но тогда что же было в Анне Керн ещё, что не даёт забыть о ней? **Многое...** Она спорила с моралью века, обрекавшей женщину на затворническую жизнь с нелюбимым мужем, не могла терпеть унижения её женской природы и человеческого достоинства. В шестнадцать лет Анну Полторацкую - по воле отца! - выдали за 56-летнего генерала, который не умел ни любить, ни понимать, ни оберегать молоденькую супругу в условиях гарнизонной жизни, без друзей и родного тепла...

Боевой генерал, побеждавший противника - и порой блистательно! - скоро сделал свою молоденькую жену, воспитанную на английских романах, врагом самому себе... Унижение, обиды, насилие над её душой и чувствами - вот что знала юная мать: дочь Катенька родилась в 1818 году, когда Анне не исполнилось и 17 лет.

Презрительная ненависть к мужу стала оружием Анны. Но в этом огне презрения стремительно сгорала её материнская нежность к детям.

Анна почти сбежала в Петербург, где пристроила своих маленьких дочек в Смольный институт благородных девиц, они были ещё крошками. В Петербурге у неё родилась третья дочь - Ольга, которая умерла на четвёртом году жизни. Как это всё пережила Анна Петровна, знает только она, - нам говорить об этом с чужих слов-слухов - не стоит!..

У Анны Керн был интересный круг знакомых разного рода. Не будем перечислять их, хотя каждый из них - личность. Многие видели в ней не только очаровательную прелестницу, но находили её проницательность, умение глубоко чувствовать

и размышлять, быть безоглядно - доверительной и умеющей скрывать свои невзгоды...

Вот такой была эта удивительная Анна Петровна, которой жизнь пошлёт за все потрясения и «всплески» недолгих обманчивых радостей счастье второй семейной жизни с Александром Васильевичем Марковым - Виноградским, её троюродным братом и отцом их любимого сына Александра.

А жизнь не баловала его ни успехами по службе, ни связями, ни наследством, хотя что-то «малое» всё-таки было! Но жизнь дала ему верную любовь почти на четыре десятка лет и семейное счастье с женщиной, которая намного была старше его.. **Что** же такое **любовь**? Этому чуду ещё никому не давалось определение - хладнокровное, убедительное и точное, наверное, к счастью тех, кто любил и кого любили.

До последнего дыхания Александр Васильевич будет видеть в глазах стареющей Аннушки отсвет юной любви к ней, нежного благоговения мужчины к женщине, очень редкого, солнечного чувства... Анна Петровна переживёт своего Сашеньку на несколько месяцев: ей тяжело было угасать одной, перечувствовав **всё**, что было Жизнью...

... Но вернёмся к вопросу, который мы задали сами себе: причём всё-таки серия «ЖЗЛ»? Скольких людей судьба одарила такими жизненными обстоятельствами! Что же произошло в нашем молодом ещё XXI веке, который возвёл Анну Керн на пьедестал вечности? Что же было живой бесспорной вечностью? **Великие ценности духовной национальной культуры**. Не будь у нас А. С. Пушкина, которого счастливый случай приблизил в псковской глуши к очаровательной женщине, пробудив в нём взлёт опьяняющих чувств, когда «руки просятся к перу», забыли бы все про бездумно-очаровательную Анну Керн, как забывали многих - ещё более очаровательных!.. Не стали бы её воспоминания событием, да, пожалуй, она сама не стала бы их писать: Анна Петровна была умна и достаточно проницательна (пока не постарела, не утомилась от жизни её душа, сделав некогда милую женщину капризной и для кого-то просто «смешной»!).

Но она знала, что в её жизни было то, что помнят умеющие любить. У неё было бесценное, посвящённое ей, - «стихи, удел которых - вечность». До сих пор мы, вслед за А. Пушкиным, повторяем: «Я помню чудное мгновенье!» Это признание, и доверительно - нежное «ты», и даже забываемое «гений чистой красоты» (хотя это вековая

цитата!) стало началом такого «взлёта» в жизни женщины, что её имя помнят все!..

Стихотворение Пушкина, посвящённое Анне Керн, учат в школе наизусть. Юных пленяют восторги чувств, ещё сказочно-далёких для них... И какая-то Керн из литературоведческих комментариев, из слегка смущённых недоговариваний учителей, перерастает в Образ Любви, первой, волнующей, когда узнают (или догадываются!), что же такое «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь»!..

Ведь за каждым словом поэта - целый мир трепетных чувств...

Ушла Анна Петровна из жизни почти одинокой, хотя были у неё дочь, сын, внуки. «А для бессмертия имени её хватило одного стихотворения...» Так я написала давно, а повторяю сейчас. И пусть литературоведы связывают с Анной Керн ещё два-три стихотворения А. С. Пушкина, в том числе и «Я ехал к вам», но незабвенно первое, написанное в Михайловском, когда Она уезжала из Тригорского в Ригу, к мужу, а Он оставался думать о Ней и писать удивительные письма, похожие на маленькие новеллы, полные полушутливых признаний и откликов на её послания из Риги...

Всё это было давным-давно, а не забывается... Наверное, теперь и не надо отвечать на вопрос, почему книга об Анне Керн вышла в серии «ЖЗЛ»... Лучше скажем **спасибо** автору - Владимиру Ивановичу Сысоеву: он помог нам прочитать книгу бытия, похожую на повесть о женщине, которую любили. А любовь - это всегда чудо...

Теперь книга об Анне Керн - это реальная возможность при чтении обратиться к светлой памяти об авторе, так рано ушедшем из жизни...

«1 марта 2009 года.»

Вчера сняла с полки книгу Э. Миндлина «Необыкновенные собеседники». Я её читала, но это было много лет назад. Захотелось вернуться в давние времена, встретиться с героями автора.

Необыкновенными собеседниками писателя и журналиста Миндлина были О. Мандельштам, М. Волошин, М. Цветаева, Ю. Олеша, М. Булгаков, К. Паустовский, В. Катаев, А. Платонов, К. Чуковский и другие, не менее интересные поэты и писатели. За их именами - целая эпоха первой половины XX

века. Жанр книги - «Литературные воспоминания», издана она в 1979 году, уже вторым изданием, «дополненным и исправленным».

Эмилий Львович с последней страницы обращается к читателям, отвечая на вечный вопрос: «Как вы удержали в памяти столько подробностей многочисленных встреч, бесед, запомнили все даты?» Понятный вопрос, я знаю его по встречам с читателями...

Конечно, читатели не всегда знают, что писатели-журналисты не только хранят опубликованное, что известно всем и может быть прочитано в любой момент - и уже в другую эпоху, когда изменяются многие акценты восприятия... Писатель, тем более журналист, по привычке хранит «рабочие» записи, ведёт дневники - это его жизнь в строке!

Обратим внимание на жанр: «Литературные воспоминания». Журналист, начиная работу над **книгой**, размышляет как писатель: он включает воображение, эмоциональную память - это делает книгу живой, многоплановой, а не только многоликой, фактически точной.

Последний очерк - рассказ «Доброй старости, друг!» интересен размышлениями о старости, не просто о возрастных, видимых изменениях, а о способах бытия... «Старость венчает жизнь. Венчает, а не принижает. И не печалит её. Венчает...» Как хорошо это читать, когда «молод, крепок» не только душой, но и плотью, которая посылает нам требовательные импульсы! Ведь жизнь в старости - не только воспоминания...

И далее - дивная журналистская фраза: «Крылатая старость!» Красиво звучит, хотя с реальной точки зрения - не высокопарно ли? Впрочем, у автора есть право мыслить по-своему.

Но последний абзац, завершающий книгу, заставил меня удивиться:

«О, если бы молодыми мы могли понять, как может быть хороша старость человеческой жизни и как бережно смолоду надо готовиться к ней и помнить, что жизнь - это то, что можно о ней рассказать. Смолоду готовь себя к старым годам, чтобы в конце пути из зеркала глянул на тебя не согбенный, а увенчанный старостью человек!».

Читаю и не верю, что необыкновенные собеседники Э. Миндлина думали о старости, «бережно» смолоду готовились к ней, наверное, кто-то становился к концу жизни немощным, больным, но не обязательно «согбенным». «Согбенность» (или

несогбенность) зеркало не сумеет показать - пасть духом перед кем-то или перед чем-то, сделаться «согбенным», можно и в молодости. Старость, думается мне, - уже по возрастному опыту! - это не только видимое, доступное взгляду «со стороны»: человек - загадка! Возраст теперь научились скрывать: «ремонт плоти» доступен тем, у кого есть деньги... Но душа, как ни бейся, не станет искусственно «молодиться»: у многих она гордая, умнее плоти! И полна неиссякаемого вдохновения... Но ведь вдохновение - это взлёт таланта, счастливое состояние в творческом созидании! Души зоркой, доброй, *совестливой*... Для её сотворения и спасения нужны физические силы. Но беречь эти силы, экономить чувства, откладывать «про запас» человеку, знающему восторг вдохновения, вряд ли удавалось, да и думал ли он об этом? Вообразим Пушкина, Лермонтова, Блока, Ахматову и тех, о ком пишет Миндлин, «бережливymi», озабоченными тем, **что** они станут рассказывать о себе в старости! Какими бы они пришли в наш век?.. Они жили безоглядно, любили, дружили, распахнув навстречу друзьям и любимым своё сердце, жили в своём **слове** на взлёте! Каждый их шаг, творческий миг до конца дышал молодостью, они расходовали силы в том созидании, которое не заставляло думать о будущем и уж, конечно, о вечности. А их несогбенность могла быть почти «невидимой»: она шла изнутри, жила в строке, звуке, в поступке, твёрдой воле, сберегаемой чести, в верности жизненным принципам.

... Остановить «прекрасное мгновенье» нельзя (на то оно и «мгновенье!»); но понять, что прекрасное многолико, порой не сразу узнаваемо, - это очень, действительно, важно смолоду, чтобы пространство жизненного пути - разбег! - было длинным, объёмно-притягательным!.. Правда, бывают жизненные исторические моменты, когда люди остаются молодыми навсегда...

Но если считать, что удачи - это задел к *почтенной* старости, гордой и всеми уважаемой, то можно невольно ошибиться. Счастье - жить осмысленно, творчески активно, с радостью... А почтенная старость - или просто **твоя** - придёт и к гению, и всемирно известному учёному, и к самым красивым. Зачем скорбеть, глядя в зеркало, что седых волос прибавилось, морщин тоже? Улыбнись самому себе и скажи:

- Здравствуй! Как хорошо, что ещё один день впереди! Пожалуй, надо найти что-то удобное для работы - поищу-ка в шкафу! А теперь причешусь, чтобы «кудри» не мешали! Ну вот!

Опять телефон! «Здравствуйте! ... Вы хотите знать, сколько мне лет? Статью пишете?.. Право, не знаю! Позвоните вечером!.. Что делаю? Живу!.. »

Вот так бегут наши дни... От своей строки - к чьей-то чужой, ставшей очень дорогой, дарящей радость жизни и новой мысли... Книги становятся добрыми собеседниками - друзьями, когда просторы бытия несколько сжимаются вокруг нас, вступающих в не очень «крылатую старость»...

«24 марта 2009 года.»

«Окно жизни», как верно сказано! Есть чудесная книга «Незабудки», составленная из дневниковых записей Михаила Михайловича Пришвина. Она вышла в 1960 году и вот уже почти полвека живёт на моей книжной полке. Книгу составила Валерия Дмитриевна Пришвина, жена и друг писателя, творчески одарённый человек. Она не просто опубликовала выборки из дневников мужа, а сделала деликатно-осторожный отбор и распределение размышлений писателя по тематическим главам. Их в книге 36, у каждой главы - короткое, точное, глубокое по мысли заглавие, которое - как путеводитель - направляет читателя по книге Жизни.

М. М. Пришвин, сохраняющий молодость души, неподдельный интерес ко всему живому, постоянно развивающемуся, делает заметки, размышляя и приглашая поступать так же.

... Сегодня меня притянула к себе запись, сделанная в 1948 году. Тогда я ещё училась в 8 классе, а Михаилу Михайловичу осталось жить всего шесть лет... Он пишет в конце марта, когда началась уже «**Весна света**»: «Нас, стариков, отделяет от молодых завеса прошлого, которая так висит, как бывает кисейная занавеска в комнате... От нас изнутри, к ним - наружу, видно, а от них к нам в комнату ничего нельзя видеть».

Читаю и думаю: а как сделать, чтобы молодые заглянули в наш мир, пока мы ещё в нём?.. Наверное, нам надо **отодвинуть** занавеску и пригласить молодых к нашему **окну** - к нашей жизни и размышлениям, через которые душа смотрит на мир с желанием **понять** молодых...

Завершается книга «Незабудки» короткой и мудрой зарисовкой, в которой оживает душа **мысли** писателя: «...Купался и встретился первым глазом с незабудкой... В этой

незабудке, с её жёлтеньким солнцем внутри и с небом голубым о пяти лепестках, я встретил живую вселенную... И пусть нет звёздочек на небе, как «ангельских душек», зато есть на земле незабудки...»

Как хорошо это осознавать! Может быть, кто-то увидит такую же незабудку в своём небе - и в своей жизни?.. Дай Бог увидеть её и мне, пока **живу!**...»

«30 ноября 2009 года.»

*Мы зовём бывшее на совет,
Мы зовём из прошлого друзей...
В. Шефнер*

Несколько дней назад мне передали книгу от Льва Васильевича Андреева. Его «Этюды памяти», том первый.

Книга рождалась в течение многих лет, но окончательный облик обрела осенью нынешнего года...

Когда приходит Время мудрости, выпестованной самим опытом жизни, заполненной всем, чем природа одарила человека, мы начинаем вспоминать... Порой мимолётно, фрагментарно - при встрече с друзьями - или молча, в одиночестве, когда в одночасье вдруг каким-то внутренним взором видишь картины прошлого, чьи-то лица, слышишь родные голоса и голос самого Времени, не всегда добрый и ласковый... Туманные воспоминания начинают обретать форму, чёткие очертания. Из таких «всплесков» памяти постепенно выстраиваются завершённые периоды бытия - Времени, которое гнало в рост всё, что пунктиром наметила Судьба...

Может быть, поэтому Лев Васильевич и дал заглавие первому тому воспоминаний, близкое каждому, кто умеет, читая, вспоминать и думать, - «Мир и война». Ёмкий палиндром («перемена мест»), помогающий вспомнить Льва Толстого и ту войну, которая по духу и значимости была первой Отечественной войной для России.

... Я читала книгу Л. В. Андреева медленно, по несколько раз перечитывая многие эпизоды, - для меня в книге было немало знакомого, родного. Мир автора возникал, утверждался в моём сознании на трёх опорных пластах, которые издавна

поселились в моей памяти. И теперь они отозвались «эхом» авторским воспоминаниям.

Первое - это рассказы самого Льва Васильевича (а рассказчик он непревзойдённый!) о детстве и юных школьных годах. И ещё рассказы моей мамы, которая два года училась на рабфаке у отца автора - Василия Николаевича Андреева, преподававшего русский язык и литературу взрослым юношам и девушкам в конце 20-х - 30-х годов прошлого века (рабфак размещался в здании педучилища, в конце Ямской).

Второй пласт - это рассказы Клавдии Арсеньевны, мамы Льва Васильевича, обладавшей редкой памятью до последних лет жизни. Я познакомилась с ней осенью 1969 года. Это был период сбора материалов для будущего музея истории педучилища в период подготовки к его столетию, где долгие годы работал Василий Николаевич, а после окончания войны и Клавдия Арсеньевна. Она рассказывала о жизни преподавателей, об атмосфере их бытия, рассказывала эмоционально, живописно - и с большой радостью: она возвращалась в давнее время, дорогое для неё! Училищная жизнь была их *семейной* жизнью, общественное и личное - всё было в нерасторжимой связке. Многие преподаватели и сотрудники училища жили бок о бок в деревянных одноэтажных зданиях напротив училища. В одном из домов половина была определена под общежитие для учащихся. Все общались друг с другом, дружили семьями, так же было и с детьми.

Третий пласт - это рассказы Льва Васильевича о войне... Война была у всех такой отметиной в памяти, с которой ничто не могло сравниться. Рассказы повторялись, возникали новые подробности, я чувствовала, что Лев Васильевич выстраивает в словесной стихии воспоминаний какие-то завершённые «куски», то есть *пишет...*

... И вот теперь книга стоит на моей полке, «лицом» ко мне: каждый день я «согреваю» её взглядом - так внушительно - хороша обложка! Спокойный «стальной» фон переплёта с тиснением серебром», объём - 327 страниц - 20 тематических частей!

Художник, архитектор, обладающий тонким вкусом и зорким глазом, «одел» книгу так, как, пожалуй, не смогли бы сделать опытные «модельеры». Стиль повествования, язык автора, ощущение жанрового своеобразия в малых «главках», тематически организованных, искренних, живых зарисовках, -

всё похоже на Дом, возведённый по проекту незамутнённой, благодарной памяти...

Конечно, такое издание требовало многого, прежде всего таланта автора, его целеустремлённости и большого, творческого труда. Но издать фундаментальную книгу **так** хорошо можно только при условии немалых средств. Низкий поклон от нас, читателей, А. Н. Строканю!

... Вот и сегодня я опять перечитываю «Этюды памяти». «Как скоро промчалась жизнь! Впереди остался совсем её маленький кусочек - может быть, несколько лет... Судьба может всяко распорядиться. А планов ещё так много!...» Этими словами Лев Васильевич начинает рассказ во вступлении «От автора» и завершает первый том воспоминаний фразой: «Ау! Откликнитесь, друзья мои!» Друзья, помогающие помнить и жить...

«Мозаика моей жизни» - так выглядит на обложке вторая жанровая расшифровка: короткие, динамичные рассказы, действительно, яркая мозаика долгой жизни автора, его родных и друзей. Живое слово продляет миг человеческого бытия. Однажды я прочитала строки поэтической прозы ганского писателя Джона Окайя. Перевод с английского звучит так:

«Мысли людей - это краски. Воззрения людей - это палитра. Деяния людей - это кисть в руке мастера! Вот так человечество от восхода до заката пишет на холсте эпохи свой огромный портрет, на котором живёт великое и малое...»

Первый том книги «Этюды памяти» охватывает 21 год жизни автора рядом с теми, кого помнит его Душа. От рождения - до победного 1945-ого. Среди героев книги есть и мои знакомые, даже коллеги. Они оживают для меня на страницах этого большого живописного полотна... А. А. Сысоева, М. А. Тихомиров, В. М. Тихомиров, В. З. Павлович, Н. П. Лебедев, братья Тавриковы, А. Ф. Чернышова, Л. А. Алексеева, Т. Е. Аксёнова и ещё десятки прекрасных людей, оставивших след в душах новоторов.

... Листаю ещё раз эту удивительную книгу, вглядываюсь в фотографии и надолго задерживаюсь на разделе «Иллюстрации». В них добрый, многогранный талант художника, архитектора, учёного, Почётного гражданина Торжка... Гвардии сержанта, *связиста* Льва Андреева, соединяющего эпохи времён.

Мир пронизан минувшим. Он вечен.
С каждым днём он богаче стократ.
В нём живут не забытые встречи
И погасшие звёзды горят....

Это строки поэта-фронтовика, лирика и философа Вадима Шефнера. Они звучат жизнеутверждающей музыкой той эпохи, которая живёт в книге памяти.

Будем ждать выхода в свет второго тома «Этюды памяти». Только бы жизнь и время берегли творческую активность автора! Ведь впереди у него рассказы о мирной послевоенной жизни, к которой устремляются взгляды, надежды и ожидания всех, кого роднит Торжок - один из главных героев книги Льва Андреева».

... Прошло время, и в июле 2010 года состоялась презентация первой книги Л.В. Андреева «Этюды памяти» (с подзаголовком «Мир и война»), которая собрала в Центральной библиотеке много новаторов и жителей Торжокского района - особенных читателей! Это были библиотекари сельских библиотек.

Завершая встречу, Лев Васильевич тепло и искренне объяснился в любви к своему родному краю: «У меня такая родина - Торжок, древний русский, небольшой городок, красивый, уютный, соразмерный человеку. Я благодарен судьбе за такую **Родину** и не согласился бы променять её на иные райские места. Здесь жил и родился мой прадед, здесь родился мой дед и отец. Здесь родился и я...»

Здесь родились и живём **Мы**, благодарные Льву Васильевичу за добрую и деятельную любовь к родной земле... Его волнует всё, что происходит в Торжке. Недавно, на встрече Почётных граждан города, он по-деловому, профессионально, обстоятельно, одухотворённо говорил о необходимости преобразования «Аллеи памяти», которая может стать зримым напоминанием о подвигах новаторов, совершённых во Времени, - историческом Времени тысячелетнего города... Это великолепный посыл в Будущее!